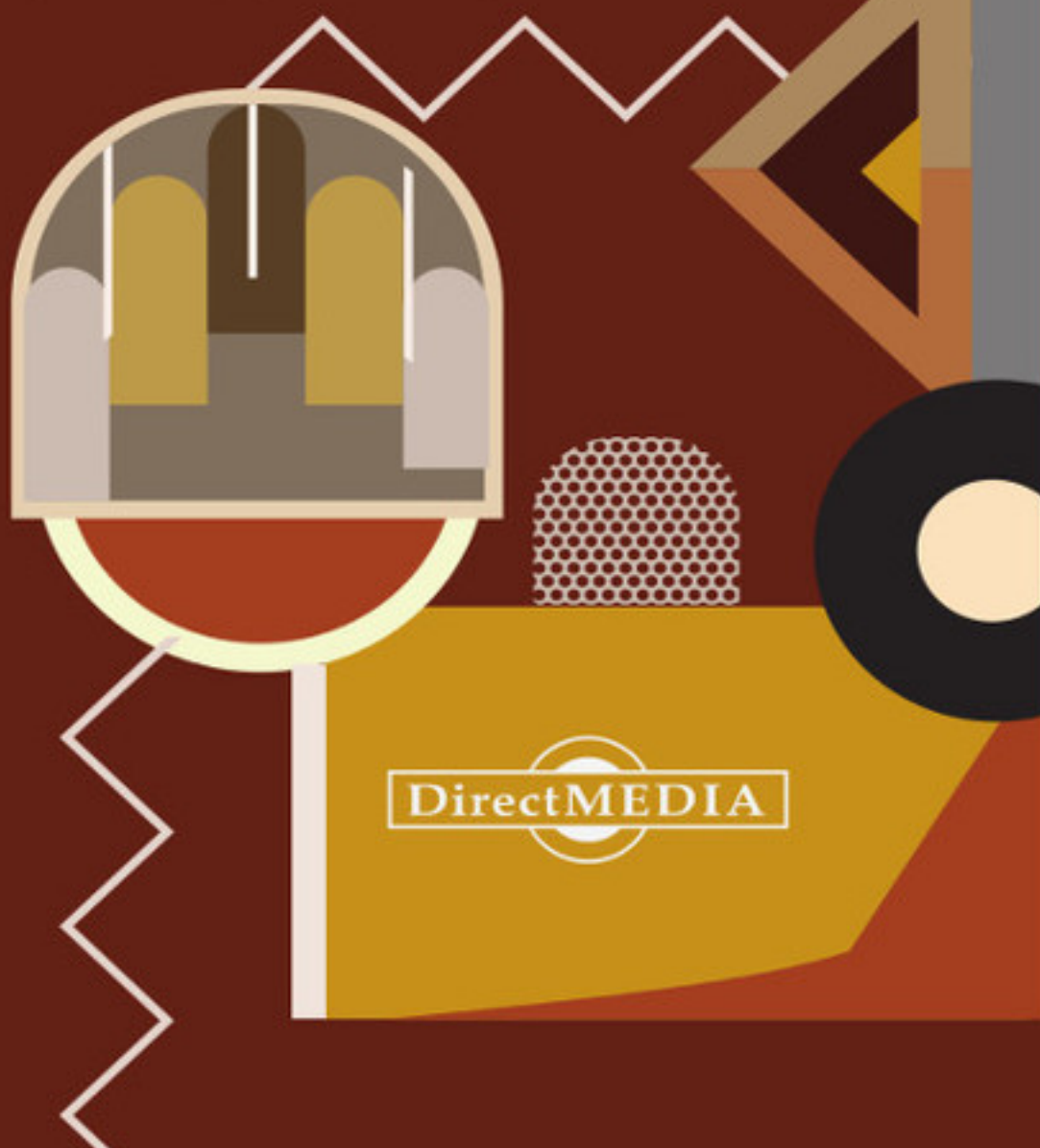

А. А. Залевская

Что там — за словом?

Вопросы интерфейсной теории значения слова

DirectMEDIA

Александра Залевская

**Что там – за словом?
Вопросы интерфейсной
теории значения слова**

«Директ-Медиа»

УДК 81
ББК 81.2-5

Залевская А. А.

Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова / А. А. Залевская — «Директ-Медиа»,

Как мы понимаем друг друга? Какую роль при этом играет слово? Что требуется для того, чтобы слово стало полным смысла, т.е. «живым», помогающим понять и пережить то, на что оно указывает или намекает? Цель этой книги – показать: главное заключается в том, что лежит ЗА СЛОВОМ в личном и социальном опыте (без этого последовательность звуков или графем остаётся «мёртвой»). Интерфейсная теория значения даёт объяснение двойной жизни слова и раскрывает посредническую роль значения в двух позициях: (I) между обществом и личностью; (II) между дискретной языковой единицей и тем, что лежит за словом во внутреннем контексте – голограмме образа мира индивида как результате переработки вербального и невербального опыта познания и общения. Книга полезна широкому кругу читателей, интересующихся вопросами познания мира, общения, взаимопонимания, адаптации к наличной ситуации, овладения языком и т.д.

УДК 81
ББК 81.2-5

© Залевская А. А.
© Директ-Медиа

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Вводные замечания	7
1. От системно-структурного анализа к интегративному подходу	8
2. От понятия единой информационной базы человека к метафоре «живой мультимодальный гипертекст»	11
3. Выводы	15
Глава 1	16
Вводные замечания	16
1. Вопросы динамики значения научного термина и общеупотребительного слова	17
1.1. Примеры динамики значения научных терминов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александра Залевская

Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не так давно мне пришло по электронной почте следующее сообщение: «Направляю Вам сноску на интересный экспериментальный вывод. Много шума из ничего? Или что Вы скажете?» Пройдя по ссылке <http://www.hse.ru/news/science/121456242.html>, обнаруживаю, что в сообщении под названием «Традиционные представления о восприятии языка неверны» речь идёт о результатах исследования, согласно которому: «... в восприятии и понимании речевой информации мозгом человека участвуют не только традиционные речевые области, известные ещё из классических работ неврологов XIX столетия, таких как Брока, Вернике, Лихтхайм, но и те зоны коры головного мозга, которые управляют двигательным аппаратом и отвечают за двигательную активность. <...> ... слова не только активируют свои области в моторной коре (например, при прослушивании слова *пинок* автоматически активируется зона, контролирующая движения ног), но и подавляют активность в чужих зонах, которые по смыслу связаны с другими словами».

На основании проведённого исследования делается следующий вывод:

«Эти результаты чётко указывают на то, что *традиционные представления о восприятии мозгом языка как об изолированной, оперирующей абстрактными символами системе неверны*. Способность понимать слова и их смысл коренится в биологии, а именно непосредственно в восприятиях и действиях, связанных с этими словами.

Когда ребёнок узнаёт новые слова, они воспринимаются непосредственно в связи с объектами и действиями, которые они означают. <...> Таким образом, формируется целая сеть нервных клеток, находящихся в разных районах мозга, включая и те, которые традиционно связывают не с речью, а с простыми функциями, такими как движение мышц, которые присутствуют не только у человека, а у всех животных. Эта сеть и становится мозговым представительством того или иного слова, напрямую, физиологически связывая его звучание и произношение с теми действиями и ощущениями, которые оно означает» (*курсив мой.* – А.З.). Конечно, такой вывод противоречит и наивным представлениям о слове, и широко распространённым научным мифам, согласно которым слово само по себе «несёт информацию», «означает», «хранится в памяти в единстве всех его форм и значений» и т.п. На самом деле ещё более ста лет тому назад И. М. Сеченов указал на то, что ребёнок первоначально воспринимает звучащее слово как один из компонентов чувственной группы, включающей зрительные, слуховые, тактильные и прочие ощущения (в терминах Сеченова – «чувственные конкреты»), без которых не может реализоваться символическая функция слова; только на базе «чувственных конкретных» посредством процессов абстрагирования через анализ и синтез, сравнение и классификацию могут далее формироваться «мысленные абстракты», сохраняющие свои чувственные корни, хотя видимая связь с ними может утрачиваться. Таким образом, увязывание слова с разнообразным (чувственным и рациональным) опытом как фундаментом, на котором базируется функционирование слова как такового, имеет давнюю историю. Более того, установлено, что слово вызывает также те или иные эмоционально-оценочные переживания. К сожалению, стремление соблюдать «чистоту» лингвистического подхода к слову в своё время привело к обвинениям в «психологизме» тех учёных, которые настаивали на необходимости исследования реальной жизни языка у его носителей, а требования учёта «фактора человека»

при исследовании языковых явлений до сих пор преимущественно остаются пустыми декларациями.

Цель этой книги – показать, что жизнь слова как достояния человека, познающего мир, чувствующего, мыслящего и эмоционально-оценочно переживающего всё воспринимаемое, напрямую связана с тем, что лежит за словом в памяти индивида как члена социума и личности, адаптирующейся к естественному и социальному окружению при взаимодействии тела и разума, по закономерностям нейрофизиологической и психической деятельности и под контролем принятых в культуре норм и оценок. Для изучения особенностей слова в таком понимании необходим интегративный подход, учитывающий новейшие результаты исследования человека с позиций ряда наук.

Считаю своим долгом особо подчеркнуть, что предлагаемые в этой книге выводы и теоретические соображения сложились при опоре на труды многих отечественных учёных, на материалы моих экспериментов, а также на результаты научных изысканий моих учеников и коллег. Всем им приношу сердечную благодарность и надеюсь, что эта моя публикация окажется полезной для дальнейшего развития теории значения слова как достояния индивида.

*А. Залевская
Тверь, 15.04.2014*

ВВЕДЕНИЕ

На пути к интерфейсной теории значения

Вводные замечания

Tempora mutantur et nos mutamur in illes...

Предлагаемая теория значения слова является плодом многолетних теоретических раздумий и экспериментальных исследований, проводившихся на базе русского и других языков в условиях владения одним и более языками. Ставилась цель понять и объяснить специфику значения слова как индивидуального знания, формирующегося и функционирующего по закономерностям психической деятельности индивида, но под контролем социума и шире – культуры. Это был путь от системно-структурного анализа лексикосемантических вариантов значения слова к интегративному (изначально психолингвистическому) подходу, учитывающему специфику слова как достояния индивида. В ходе разработки теоретических основ исследования того, что лежит за словом у пользующегося языком человека, и в соответствии с динамикой общенаучных метафор имел место переход от понятия единой информационной базы индивида к метафоре «живой мультимодальный гипертекст».

Подробное изложение основных этапов моего пути поисков ответа на основной вопрос: «что там – за словом?» даётся во введении к книге¹; здесь ограничусь только самыми основными сведениями, объясняющими закономерность выхода на понятия «живое слово», «живой мультимодальный гипертекст», «интерфейсная теория значения слова».

¹ Залевская 2005: 9–28.

1. От системно-структурного анализа к интегративному подходу

Каждый исследователь испытывает на себе влияние современных ему научных теорий и популярных общенаучных метафор. Поэтому вполне естественно то, что первоначально анализ значения исследуемых слов вёлся мною по линии разложения значения слова на лексико-семантические варианты и выявления компонентов значения, общих для тех или иных слов или различающих их на некотором основании. Однако уже первые эксперименты с носителями языка показали, что для индивида могут оказаться значимыми основания для связей, которые представляются недопустимыми с точки зрения строгого лингвистического подхода, что, в частности, привело к введению экспериментально обоснованных терминов «симиляры» и «оппозиты» для случаев, когда факты переживания индивидом наличия близости или противопоставленности значений слов имеют место, но не могут получить объяснения с позиций строгого лингвистического анализа. Например, считается, что синонимами могут признаваться только слова, принадлежащие к одной и той же части речи, однако психологически принадлежность к части речи выступает как деталь поверхностного уровня языка, на что в свое время указал Дж. Миллер². Так, при выполнении задания записать слова, близкие по значению, были зафиксированы пары слов типа: *идти* – *пешиход*; *кончат* – *финиш* (здесь и далее примеры из моих экспериментов обозначаются курсивом). Подобным образом примеры типа *квадратный* – *круг* при выполнении задания записать слова, противоположные по значению, оказываются свидетельствами связи на глубинном уровне смыслов (в данном случае важен признак ‘форма’ как основание для противопоставления, возможно – с опорой на зрительные образы именуемых объектов, но несомненно – без учёта принадлежности соотносимых именовании к одной и той же или разным частям речи). Не менее интересным представлялся и встреченный в газетном кроссворде пример, в котором требовалось записать слова с противоположным значением, при этом фигурировали пары слов типа *Монтекки* – *Капулетти*, что, с одной стороны, может трактоваться как лингвистическая необразованность составителя этого кроссворда, а с другой – показывает, что носитель языка решает задачи установления близости или противопоставленности на основании не столько значений слов, сколько признаков именуемых словами объектов (в широком смысле, т.е. действий, состояний, ситуаций и т.д.).

Весьма показательными оказались материалы экспериментов с немедленным и отсроченным воспроизведением слов, предъявлявшихся в ходе разного рода ассоциативных экспериментов. Были обнаружены ошибки воспроизведения, классифицированные мною как «приписки» и «подмены». Так, при наличии в экспериментальном списке одного – двух примеров, относящихся к некоторой категории, в записях испытуемых можно было обнаружить более или менее полный перечень других членов той же категории (например, терминов родства, именовании домашних животных, цветообозначений и т.д.). Иногда испытуемые вспоминали не слово, фигурировавшее в экспериментальном списке, а его синоним или симиляр, антоним или оппозит, общее именование категории и т.д. Были также прослежены примеры опосредованного рядом смысловых переходов поиска слова, так или иначе связанного с искомым.

Основания для связей между словами в лексиконе человека устанавливались также при анализе оговорок и речевых ошибок в родном или изучаемом языке. Так, высказывание очередного докладчика «Как только что сказал *Иван Демьянович...*» вызвало общий смех присутствующих, поскольку ранее выступавшего звали *Петр Гурьянович*, что выявило взаимодействие таких оснований для поиска слова в памяти, как количество звуков/букв, отнесение к

² Miller 1999.

категории личных имён, к тому же исконно русских и широко распространённых (Иван, Петр) и/или устаревших Демьян, Гурьян).

Особый интерес для исследования представили ошибки в речи на втором или третьем языке, что позволило выявить различные виды связей на основе формы и значения слова, а также внутриязыковые и межъязыковые контаминации разных видов, в том числе обусловленные этнокультурной спецификой процессов категоризации и/или эмоционально-оценочного переживания значимости какого-то признака объекта, не обязательно существенного, но, возможно, характерного или приписываемого объекту в некоторой лингвокультуре.

Совокупный корпус экспериментальных данных, полученных мною в 1970–1980-е годы с применением разных исследовательских процедур в условиях владения одним, двумя и тремя языками, в сочетании с широким межъязыковым/межкультурным сопоставлением ассоциативных норм разных языков убедительно показал, что за словом у индивида лежит широчайшая сеть разнородных многократно пересекающихся связей, устанавливаемых по множеству оснований разных модальностей и уровней обобщённости. Это привело к разработке методики анализа экспериментальных материалов с выходом на «глубинный» уровень и позволило описать принципы организации внутреннего лексикона человека как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы, в которой имеет место органическое взаимодействие языковых и энциклопедических знаний индивида, а также социально принятых и личностно переживаемых смыслов, норм и оценок. При этом специфика единиц лексикона выводилась мною с опорой на представления о механизмах становления символической функции слова у ребёнка, на результаты моделирования процесса речемыслительной деятельности человека, на обнаруженные механизмы поиска слов в памяти и установления связей между ними. Результаты этой многолетней работы описаны в моей докторской диссертации и в книгах³.

Установленные в экспериментальных исследованиях факты не могли не привести к выводу о необходимости исследования того, как слово действительно «живёт» в качестве достояния индивида – представителя вида и личности, т.е. была поставлена задача рассмотреть специфику «живого слова» в отличие от слова, описываемого в словарях с позиций лексико-семантической системы языка как самодостаточной сущности.

Дело в том, что пользующийся языком человек фактически не различает слово и именуемую им вещь, для него важны признаки именуемого объекта (действия, состояния и т.д.), связанные с этим объектом ситуации, эмоционально-оценочные переживания, возможные следствия и перспективы, а также многое другое, что выходит далеко за рамки логико-рационального описания языковых явлений. Особенности слова как такового идентифицируются и осознаются носителем языка в случаях затруднений при говорении и/или понимании речи, при встречах с разными проявлениями «языковой игры», а чаще всего – в связи с речевыми ошибками. В таких случаях вступает в действие метаязыковая активность (*linguistic awareness*), хотя в повседневной речевой деятельности человека операции со словом протекают на уровнях бессознательного контроля, только в случаях необходимости требуя перехода на уровни сознательного контроля или актуального сознавания.

Иначе говоря, лингвист анализирует слово как ИМЯ вещи, а для носителя языка существенно прежде всего имя ВЕЩИ как таковой, к тому же включённой в некоторую ситуацию и увязываемой с определённым эмоционально-оценочным отношением-переживанием. Эти исходные позиции играют весьма важную роль в том отношении, что во втором случае актуализируются связи по более широкому кругу оснований, к тому же оказываются значимыми многие факторы, выходящие за пределы компетенции лингвистики (личностные, социальные, ситуативно-обусловленные и т.д.). Главное же состоит в том, что для индивида значимы множественные опоры, сформированные в процессах переработки перцептивного, когнитивного и

³ Залевская 1977 (репродуцировано в Залевская 2005); 1979; 1982; 1990.

эмоционально-оценочного опыта взаимодействия с естественным и социальным окружением. Особо подчёркиваю то, что речь идёт о продуктах познавательной деятельности и общения, а это означает, что язык выступает в качестве одного из психических процессов и функционирует во взаимодействии с памятью, мышлением, вниманием, воображением, эмоциями и т.д., ибо только слаженный ансамбль механизмов психической деятельности человека способен обеспечить адаптацию индивида к окружающей его среде. Сказанное не снижает роли языка как психического процесса, выполняющего роль специфического интерфейса между индивидом и обществом, между «внутренним» (образом мира личности) и «внешним» (средой), однако успешное выполнение этой роли напрямую зависит от «целостности» человека, воспринимающего мир при взаимодействии тела и разума, динамике уровней осознанности, постоянном переживании отношения к окружению и месту самого себя в этом мире. Вполне естественно, что для исследования значения слова в названном ракурсе лингвистический подход оказывается недостаточным.

Осознание сути и важности учёта сказанного выше привело к признанию необходимости разработки интегративного (изначально – психолингвистического) подхода к анализу значения слова при трактовке языка как одного из психических процессов человека, включённого в постоянные взаимодействия с естественным и социальным окружением и испытывающего влияние комплекса внешних и внутренних факторов.

Постановка задачи реализации интегративного подхода к значению слова потребовала интенсивной работы по двум основным линиям:

I – обоснования теории, согласующейся с целью исследования слова как достояния пользующегося языком индивида;

II – реализации широкой программы экспериментальных исследований с набором исследовательских процедур, отвечающих изучаемому объекту и исходной системе координат.

Результаты экспериментальной работы освещаются в ряде книг⁴, здесь речь идёт о путях разработки психолингвистической теории значения слова.

⁴ См., например, Залевская 1990; 1999; 2001; 2005; 2007; 2011; 2012.

2. От понятия единой информационной базы человека к метафоре «живой мультимодальный гипертекст»

Итак, начальный этап работы в названном выше направлении включал исследование принципов организации внутреннего лексикона человека как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы. Особенности слова как единицы лексикона рассматривались с учётом путей становления символической функции слова в онтогенезе, опыта моделирования процесса речемыслительной деятельности индивида, для разных этапов которой требуются те или иные характеристики значения слова, а также по результатам экспериментов с носителями одного, двух и трёх языков и наблюдений над речевыми ошибками в естественных ситуациях общения и в условиях учебного двуязычия/многоязычия.

В ходе разработки психолингвистической теории слова мною почти сорок лет тому назад в публикации⁵ было введено понятие единой информационной базы человека – совокупного продукта переработки разнообразного (в том числе речевого) опыта индивида. Это принципиально важное положение изначально снимало жёсткие границы между понятиями языковых и энциклопедических знаний и объединяло в единую систему связей продукты переработки вербального и невербального опыта.

Рассматриваемая база была названа *информационной* не только из-за популярного в то время общенаучного информационного подхода, но прежде всего для того, чтобы акцентировать важность учёта аккумулированного ранее знания для решения текущих познавательных и коммуникативных задач.

Определение *единая* должно было подчеркнуть, что названная база объединяет продукты переработки не только коммуникативного опыта, т.е. не ограничивается единицами вербального кода, но включает перцептивные образы различных модальностей, когнитивные единицы разных уровней обобщения и эмоционально-оценочные переживания, соответствующим образом маркирующие вербальные составляющие опыта.

Слово *база* стало ключевым из тех соображений, что без общей платформы невозможно ориентироваться в окружающем мире и взаимодействовать при общении: всё воспринимаемое (в том числе через посредство слов, выполняющих всего лишь медиативную функцию) идентифицируется через призму уже имеющегося в совокупном опыте, обеспечивая коммуникантам саму возможность находить «точки соприкосновения», ныне именуемые «разделяемым знанием», без чего понимание читаемого и воспринимаемого со слуха, как и взаимопонимание между общающимися, оказались бы недостижимыми.

Уточнение *единая информационная база человека* было своевременным и существенным в условиях, когда всё связанное с языком рассматривалось исключительно с позиций трактовки языка как общественного явления, функционирующего и развивающегося по своим собственным законам.

Принципиально важным в публикации 1977 года было фокусирование на роли слова как **средства доступа** к единой информационной базе человека, формирующейся по закономерностям психической жизни индивида, но под контролем социума и – шире – культуры. С опорой на работы российских учёных (в том числе И. М. Сеченова, Л. С. Выготского, Л. В. Щербы, Н. И. Жинкина) было показано, как через своеобразную переработку (термин Л. В. Щербы) многообразного опыта и с множеством глубинных переходов при формировании сначала чувственных конкретов, а затем – мысленных абстрактов (термины И. М. Сеченова) слово начинает играть роль, сходную с ролью лазерного луча при считывании голограммы. Известно, что

⁵ Залевская 1977.

голограмма характеризуется, в частности, объёмностью и тем, что по её части можно восстановить целое, повернуть это целое различными гранями, увидеть его в разных ракурсах. Подобно этому слово «высвечивает» в индивидуальном образе мира некоторый объект (действие и т.д.), включённый в определённую ситуацию; при этом и объект, и ситуация могут обернуться любой гранью при их изначально подразумеваемой целостности и эмоционально-оценочной помеченности (с позиций социума и/или личности).

Образ лазерного луча при считывании голограммы должен был показать, что для пользователя языком в естественных ситуациях (в отличие от условий лингвистического анализа) важно не слово само по себе, а именно то, что стоит **за** словом (т.е. хранится в памяти и может быть из неё извлечено во всём богатстве связей и отношений) в *единой информационной базе человека* (выделяю все составляющие этого термина курсивом, чтобы показать важность наиболее полного понимания моей трактовки этого термина теми, кому он оказался полезным в каких-то отношениях). В противовес общепринятым в то время представлениям о том, что со словом человек увязывает его значение в том виде, в каком оно представлено в словарях, и с учётом предложенного Н. И. Жинкиным понятия универсального предметного кода было высказано предположение, что во внутреннем лексиконе человека функционируют единицы разных уровней обобщения (вспомним И. М. Сеченова!) – до мельчайших различительных признаков и признаков признаков, не всегда доступных для вербализации, но играющих роль опор для постоянно протекающих у человека (независимо от его воли и сознания) процессов анализа и синтеза, сравнения и классификации (снова И. М. Сеченов). Единицы наиболее высокого уровня обобщения (отвечающие задаче максимальной компрессии смысла и далеко не всегда поддающиеся вербализации) были в [Залевская 1977] увязаны с этапом формирования замысла высказывания в модели речемыслительного процесса, предусматривающей многократные петли обратной связи, которые должны обеспечивать соответствие продуктов каждого этапа этого процесса именно «разворачиваемому» исходному замыслу. Был сделан вывод, что для единиц каждого уровня обобщения характерен особый «синтаксис», поэтому активно дискутировавшийся в те времена вопрос о приоритете синтаксиса или словаря вообще подобен спору о первичности курицы или яйца.

Важным представляется и развитие почерпнутой у Л. В. Щербы идеи необходимости разграничения процесса и продукта речевой деятельности: такое разграничение помогло показать различия между процессами и получаемыми продуктами в двух ситуациях:

1. в ходе спонтанной переработки индивидом опыта познания и общения (по принципу «для меня – здесь – сейчас», т.е. в индивидуальных кодах и в соответствии с потребностями текущего момента на фоне взаимодействия комплекса внешних и внутренних факторов), что даёт *концепты как динамичные ментальные образования*, не всегда поддающиеся вербализации;

2. при строгой логико-рациональной и специфически целенаправленной метаязыковой деятельности исследователя-лингвиста, когда продуктом становится чёткая вербальная характеристика некоторых *конструктов*, по умолчанию принимаемых за адекватно отображающие нечто функционирующее как в социуме/культуре, так и у отдельных индивидов.

В той же работе было показано, что общность перерабатываемого в обоих случаях языкового материала (одного из аспектов языковых явлений в терминах Л. В. Щербы) и различие особенностей названных процессов привели лингвистов к отождествлению таких, по выражению Л. В. Щербы, теоретически несоизмеримых понятий, как языковая система (грамматики и словари) и индивидуальная речевая организация (психофизиологическая по своей природе, но в то же время являющаяся социальным продуктом, а главное – формируемая самим носителем языка). Речевая организация человека как продукт своеобразной переработки опыта общения была фактически выделена и охарактеризована Л. В. Щербой как чет-

вёртый аспект языковых явлений наряду с языковым материалом, языковыми системами и речевой деятельностью.

К числу важных результатов исследований 1970-х гг. относится выявление множественности оснований для связей между единицами лексикона индивида: такие связи формируются с опорой на разнообразные признаки и признаки признаков формы и значения слова, а также всего того, что так или иначе увязано со словом в многообразном опыте человека. Не случайно ещё в 1960-е годы рассматривался феномен «шести шагов», благодаря которым человек может установить связь между любыми двумя явлениями через их именования.

Дальнейшее развитие представлений о слове как достоянии индивида, о роли слова (и того, что лежит за ним в единой информационной базе) в речемыслительной деятельности и общении шло по различным направлениям. Так, в работе [Залевская 1982] было сделано уточнение специфики слова в индивидуальном лексиконе как точки пересечения множества связей по различным основаниям как продуктам переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта, в том числе не только по существенным признакам именуемых объектов (действий, состояний и т.д.), но по всем возможным видам признаков и, более того, по признакам признаков, каждый из которых может оказаться важным (существенным, характерным, актуальным) для некоторой личности в определённой ситуации. В книге [Залевская 1990] был обобщён опыт экспериментальных и дальнейших теоретических исследований в области лексикона человека, а в [Залевская 1988] описательным путем введена спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста, призванная показать расширяющиеся круги связей, выводных знаний и сопровождающих их переживаний, которые обеспечивают взаимопонимание при общении благодаря «раскручиванию» гипотетической спирали в двух направлениях: в прошлый опыт и в прогнозирование дальнейшего развёртывания ситуации по всем возможным линиям, из которых выбирается какая-то наиболее подходящая для текущего момента и отвечающая задаче «достаточного семиозиса».

Наиболее важной для уточнения понятия единой информационной базы человека является книга «Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования» [Залевская 1992], в которой фактически произошел переход на другое наименование, хотя, по сути, первоначальная трактовка того, что лежит за словом у носителя языка, не изменилась. Термин «индивидуальное знание» продолжает подчёркивать принадлежность знания (ранее – единой информационной базы) человеку как субъекту деятельности и личности. Принципиально важным стало подразделение коллективного знания на два подвида (KZ_1 и KZ_2): под первым понимается функционирующее в культуре коллективное знание-переживание, а под вторым – только зарегистрированная в артефактах часть такого знания (тем или иным образом материализованные продукты протекающих в культуре процессов получения знания и пользования им в различных сферах жизни общества). Обратим внимание на следующие моменты.

Во-первых, была сделана попытка разобраться в том, как соотносятся между собой коллективное знание и индивидуальное знание⁶, а это привело к демонстрации того, что индивидуальное знание тесно связано с обоими подвидами коллективного знания, в то время как научный анализ, ориентированный исключительно на KZ_2 (на тексты, грамматики и словари), неизбежно оказывается редукционистским.

Во-вторых, были рассмотрены не только принципы функционирования индивидуального знания как психического феномена (что предполагает работу слаженного ансамбля психических процессов, их неразрывность, протекание таких процессов на различных уровнях осознаваемости и т.д.), но и разнообразные – ориентированные на познание и общение – функции слова в лексиконе человека, что получило дальнейшее развитие в [Залевская 2007]. Было показано, что для носителя языка функции слова оказываются двойственными, т.е. связанными

⁶ См. соответствующий рисунок в ряде публикаций, например: Залевская 2007: 56.

и с общепринятым значением, и с тем, что лежит за словом у индивида. Так, медиативная (посредническая) функция проявляется в том, что общепринятое значение слова обеспечивает взаимопонимание между людьми, однако в то же время оно опосредует «выход» на единую информационную базу индивида, его образ мира, без чего слово не может быть пережито как знакомое, понятное, со всеми вытекающими отсюда следствиями.

В-третьих, тем самым (см. «во-вторых») фактически была сделана попытка осмыслить двойную жизнь значения слова, обращённого одной своей ипостасью к социуму, а другой – к личности. Это помогает объяснить, как названное в своё время единой информационной базой человека «работает», обеспечивая успешность или ошибочность референции на уровнях индивидуального сознания и подсознания. Представлялось важным выяснить, как эта «работа» соотносится с современными научными описаниями соответствующих процессов и их продуктов. Некоторые соображения по этому поводу высказаны в книге [Залевская 2005]. Фокусированию на двойной жизни значения и на специфике значения слова как «живого знания» посвящены монографии⁷. Развитие мировой науки на рубеже XX и XXI веков сделало популярными новые общенаучные понятия и метафоры. В частности, особое внимание исследователей привлёк поликодовый текст⁸, а понятие гипертекста проникло в разнообразные сферы деятельности человека, в том числе – легло в основу новых информационных технологий и составило неотъемлемую основу профессиональной и повседневной деятельности людей⁹. Это привело меня к пониманию того, что, в современных терминах, за словом лежит своеобразный поликодовый гипертекст. Он является поли- кодовым в том отношении, что имеет место взаимодействие языковых и неязыковых «кодов» разных модальностей: зрительного, слухового, тактильного и т.д., поэтому такой гипертекст точнее называть мультимодальным. Более того, обоснованное в моих работах 1970-х – 1980-х гг. представление о том, что лежит за словом у пользующегося языком человека, хорошо согласуется с понятием гипертекста, в то время как спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста фактически описывает поиск опор в таком гипертексте в соответствии с требованиями текущего момента: гипотетическая спираль развёртывается до уровня достаточного семиозиса, т.е. нахождения в нужной мере разделяемого знания.

Следует особо подчеркнуть, что независимо от используемого термина («единая информационная база», «индивидуальное знание» или предлагаемая ныне метафора «живой поликодовый/мультимодальный гипертекст») мои исходные представления о том, что лежит у индивида за словом, вполне объясняют наблюдаемые со стороны или посредством рефлексии удивительные познавательные и коммуникативные возможности слова, которое живо только тогда, когда мы его не просто знаем (хотя при этом оно может оставаться «пустым звуком»), а переживаем как слитое с продуктами переработки многообразного опыта и всегда включённое во множество связей и отношений, вне которых не может восприниматься и опознаваться окружающий нас физический и социокультурный мир.

⁷ Залевская 2011; 2012.

⁸ См., например, работы А. Г. Сониной: Сонин 2005; 2006.

⁹ См., например, материалы международной конференции: Гипертекст 2013.

3. Выводы

Результаты анализа экспериментальных материалов привели к осознанию необходимости исследования специфики значения «живого слова» как продукта переработки многообразного опыта познания мира и общения.

Важными этапами на пути к интерфейсной теории значения слова явились:

- трактовка лексикона человека как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы;
- обнаружение множественности принципов организации лексикона;
- выявление специфики индивидуального знания;
- описание двойственных функций значения слова;
- применение метафоры голограммы;
- трактовка слова как узла пересечения множественных связей (в том числе по разным видам выводных знаний);
- моделирование процесса идентификации слова как средства выхода на индивидуальный образ мира.

Переход на метафору «живой мультимодальный гипертекст» не меняет сути первоначальных (сформированных в 1970-е гг. на основе теоретических раздумий и анализа экспериментальных материалов) представлений о наличии у человека единой информационной базы как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы связей между продуктами переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта взаимодействия индивида с естественным и социальным окружением.

Выражаю надежду на то, что современные метафоры сделают результаты моей многолетней работы более наглядными и доступными для выявления их теоретического потенциала.

Глава 1

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вводные замечания

Основу этой главы составили доклады на трёх первенствах по научной аналитике: один из этих докладов был представлен по филологическим наукам и два – по философским. Ныне оказалось возможным не только расширить уже фигурировавшие тексты, но и дополнить их новыми данными и размышлениями. На самом деле проблематика этой главы (как и остальных глав) заслуживает более детального обсуждения и может быть развёрнута до монографии.

Логика изложения определяется тем, что научный термин, как и общеупотребительное слово, может переосмысливаться, т.е. утрачивать первоначальное значение и приобретать новые значения, что может вести к фактической омонимии терминов. Особую роль играет метафоричное использование научных терминов, при котором создаются ситуации их не вполне корректной трактовки, ведущей к заблуждениям и сомнительным выводам по анализу исследуемых объектов и отношений между ними. Поэтому ниже сначала демонстрируются примеры динамики значения некоторых терминов и общеупотребительных слов (раздел 1.1), после чего рассматривается роль общенаучной метафоры в познании и развенчиваются отдельные мифы как результат буквального прочтения метафоры (раздел 1.2). К числу устойчивых мифов относится и представление о том, что научная деятельность должна строиться исключительно на логико-рациональной основе, что побудило предпринять обсуждение роли логики, воображения, эмоции в познавательной деятельности человека (раздел 1.3).

1. Вопросы динамики значения научного термина и общеупотребительного слова

1.1. Примеры динамики значения научных терминов

Значение слова может размываться до фактической омонимии, а это противоречит самой сути термина и требует особого внимания к тем категориальным полям, в которые (со всеми вытекающими отсюда следствиями) могут входить неоднозначные термины.

Для примера возьмём термин «методология», с которым сталкивается любой учёный независимо от своей специальности.

Долгие годы российские языковеды ориентировались на то, что методология это «... учение о *принципах* исследования в науке о языке»¹⁰, т.е. однозначно имелась в виду определённая «система исходных координат», базовых положений, следование которым направляет научный поиск, включая формулирование рабочей гипотезы и выбор исследовательских процедур для её проверки. Интересно, что ныне некоторые словари вообще не содержат дефиниции этого термина, включая лишь слово «метод» с определением: «(от греч. *methodos* – ‘путь, исследование, прослеживание’) – *способ* достижения определённой цели, совокупность *приёмов* или *операций* практического или теоретического освоения действительности»¹¹. В других словарях имеет место определение понятия «методология» как учения «о *способах организации и построения* теоретической и практической деятельности человека»¹², иногда с уточнением и добавлением: это «система *принципов и способов* организации и построения теоретической и практической деятельности, а также *учение* об этой системе»¹³.

Ни один из известных мне печатных словарей не отражает того, что ныне молодое поколение исследователей языковых явлений во многом ориентируется на доступную через сеть Интернет англоязычную научную литературу, в которой слово «methodology» нередко используется для обозначения набора используемых процедур (т.е. указывается, что некий приём или набор приёмов подходит для выявления искомых фактов или отношений), тем самым понятие методологии как системы исходных научных принципов расшатывается, а это создаёт представление о первичной важности не методологии, а *технологии* исследовательской работы. Основания для имеющей место подмены понятий прослеживаются в авторитетном американском словаре: «Methodology: 1. **a.** A body of *practices, procedures and rules* used by those who work in a discipline or engage in an inquiry; a set of *working methods*. **b.** The study or theoretical analysis of such working methods»¹⁴. Такое положение вещей подтверждается результатами поиска в сети Интернет.

Так, при обращении к [<http://dictionary.reference.com/browse/methodology>] в качестве первого значения рассматриваемого термина мы получаем дефиницию, согласующуюся с пунктом «а» дефиниции, приведённой выше по словарю¹⁵; на втором месте оказывается уточнение, что в философии под методологией могут пониматься: а) принципы и правила организации некоторой философской системы или исследовательских процедур; б) учение о принципах, определяющих организацию разных наук и проведение научных исследований. В качестве

¹⁰ ЛЭС 1990: 299. Здесь и далее курсив мой. – А.З.

¹¹ ФЭС 2003: 266.

¹² НФС 2003: 628

¹³ НПС: 277–278.

¹⁴ TANDEL: 1136.

¹⁵ TANDEL.

третьего значения особо выделяется использование термина «methodology» в образовании: это область педагогики, занимающаяся анализом и оценкой того, чему следует учить, и методов обучения. С этим хорошо согласуется широкое использование словосочетания «English Teaching Methodology», которое соответствует русскоязычному термину «методика обучения английскому языку».

В словаре Merriam Webster ограничивается двумя значениями термина «methodology»: первое из них объединяет «набор методов, идей и постулатов, используемых некоторой дисциплиной» и «определённую процедуру или набор процедур» (приводится пример: «He blamed the failure of their research on *poor methodology*»), а второе прямо увязывает методологию с принципами или процедурами, применяемыми в определённой области (с уточнением: «See: methodology defined for English language learners»; пример: «For solving crossword puzzles *my usual methodology* is to begin by filling in all of the answers I'm reasonably sure of»). Обратим внимание на то, что философское происхождение и значение термина вообще не фиксируются, а примеры ориентируют на технологию, а не методологию. Более того, в качестве синонимов слова «methodology» в этом источнике названы слова line, course, policy, procedure, program, а в качестве близких по значению – слова blue-print, plan, scheme, strategy, intent, intention, purpose, design, approach, direction, path, pathway.

Очень важный ракурс освещения особенностей современного использования слова «methodology» мы находим в словаре Merriam Webster: это слово уже попало в категорию buzzwords – слов, которые становятся популярными и используются не всегда правильно. Указывается, что в данном случае имеет место ошибочное отождествление слов «methodology» и «method» при утрате исходного эпистемологического значения обсуждаемого термина. Аналогичную ситуацию мы фактически наблюдаем в отношении русскоязычного термина «методология». Попутно замечу, что термин «метод» также является неоднозначным: зачастую его философское значение подменяется более узкой (относящейся к некоторой специальной области науки) или вообще бытовой трактовкой, сводящей «метод» до уровня частного приёма.

Сплошной просмотр статей, которые встречаются при поиске в сети Интернет, показывает, что слово «methodology» входит во многие словосочетания, наглядно свидетельствующие об утилитарном его использовании, см., например: Software development methodology, Risk Rating Methodology, Political methodology, Programming methodology и т.п., что можно рассматривать в качестве практических приложений *методологии как технологии*.

Соотношение выявленных значений обсуждаемого термина можно представить с помощью схемы (см. рис. 1.1).

Рис. 1.1. Значения слова «методология»

Обратим внимание на то, что знак «*», сопровождающий направление использования обсуждаемого термина «в быту», т.е. в качестве популярного слова, утратившего свое первоначальное значение, указывает на неоправданное расширение значения слова «методология» (вспомним пример с «методологией решения кроссворда», где на самом деле речь идёт о предпочитаемой последовательности действий, которую правильнее называть «*стратегией* решения задачи»).

Итак, фактически имеют место разные трактовки термина «методология», и хотя в реальном исследовании «методология как система исходных принципов» и «методология как технология» взаимодополнительны, следует признать, что в данном случае создавшаяся омонимия разнонаправленных по своей сути терминов может иметь печальные последствия для развития науки о языке. Выражаю надежду на то, что разграничение приведённых трактовок будет способствовать сохранению роли фундаментальных исследований методологической (общенаучной и специально-научной) направленности (по линии МЕТОДОЛОГИИ₁) в традициях подлинно научного изыскания.

В связи с феноменом перехода термина в категорию buzzwords с постепенной утратой исходного значения до полной десемантизации и превращения в «пустышку» (используемую просто как модное слово, без которого современный человек вроде бы обходиться не может) вспоминаются слова типа «концептуальный». Например, в популярной утренней радиопередаче (рубрика «Утро на кухне») на днях прозвучало:

«Как Вы относитесь к такому завтраку *концептуально*?» Без этого слова и/или других слов того же корня теперь не обходятся диссертанты, авторы научных публикаций, ораторы, выступающие в дискуссиях разного рода, но что именно в каждом конкретном случае понимается говорящим и тем более – воспринимается слушающим? Достаточно вспомнить отзыв официального оппонента о кандидатской диссертации, которая «представляет собой *концептуальное исследование* выбранной темы». Создаётся впечатление, что о смысле в таких случаях просто не задумываются.

Попытки «осовременить» давно функционирующие и всем понятные наименования посредством использования слова «концептуальный» демонстрируются иногда самими пользователями через последующее разъяснение типа: «КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАТИКА (Толковый словарь по информатике)» [ИНФОРМАТИКА <http>]. Думается, в подобных случаях просто-напросто срабатывает житейская логика типа: «и мы не лаптем щи хлебаем...».

Близкий случай – становящееся модным использование калькированного термина «нейминг», неоправданное применение которого стало появляться в студенческих работах и звучать на лингвистических конференциях.

Динамику значения термина можно также проследить на примере слова «концепт», которое первоначально использовалось в русскоязычных публикациях как калька с английского *concept* в роли синонима термина «понятие»¹⁶. Стремление оказаться «в ногу» с современной наукой привело к пандемии исследований «концептов» при весьма смутном понимании того, какая сущность так именуется. Не обсуждая здесь различные трактовки этого термина, ограничусь только общими выводами по результатам моих наблюдений за последние годы.

Фактически в подавляющем большинстве исследований того, что авторы называют концептами, на базе словарных дефиниций и/или текстов анализируются: объём и содержание понятия, лексико-семантические варианты слова, лексико-семантические поля, наборы семантических единиц разных наименований и уровней и т.д., т.е. с использованием «концептуальной» терминологии (и нередко с уточнением, что исследуется так называемая «когниция»)

¹⁶ См., например, Степанов 1990: 384.

рассматривается слово как *единица лексико-семантической системы языка*, а не то, что лежит за словом, с одной стороны, в этнокультуре, а с другой – в индивидуальном знании- переживании. То, что концепт как «сгусток» культуры», «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и т.д. именно переживается человеком, наглядно показал Ю. С. Степанов¹⁷. Именно поэтому в своё время было оправданным обращение к термину «концепт» для акцентирования необходимости выхода за пределы понятия в сферу реального функционирования того, что лежит за словом у пользующегося им индивида со всеми вытекающими отсюда следствиями. Но человеку свойственно принимать желаемое за действительное: именно это произошло при массовом стремлении выявить и описать концепты, выход на которые осуществляется через анализ языковых единиц и текстов, а именно, произошло отождествление феномена познавательной и речемыслительной деятельности человека – *концепта* – с продуктами лингвистического анализа единиц лексико-семантической системы языка – *конструктами*. Напомню, что на недопустимость прямого отождествления продуктов «своеобразной переработки» речевого опыта индивидом и результатов научного анализа языкового материала для описания языковых систем указал в 1930-е годы Лев Владимирович Щерба! Ещё раньше А. А. Потебня говорил о том, что слово живёт не так, как оно описывается в словаре (к этому мы вернёмся ниже).

Отсюда следует, что изучение концептов требует непосредственного обращения к носителю языка как одного из психических процессов, функционирующего не изолированно, а при взаимодействии с другими психическими процессами (восприятием, памятью, мышлением, воображением и т.д.). Это означает, что необходим интегративный подход с позиций ряда наук о человеке, включая психологию познавательных процессов, нейронауки и подлинную когнитивную лингвистику, а не простое оперирование терминами «когниция», «когнитивный», «концептуальный» и т.п.

Таким образом, мы снова сталкиваемся с методологической проблемой: нужна соответствующая система исходных постулатов, определяющая базовые принципы интегративного подхода, которые в свою очередь направят выбор технологии научного поиска для проверки хорошо сформулированной рабочей гипотезы относительно специфики строения и/или функционирования того, что именно может пониматься под концептом как достоянием человека – представителя вида, члена социума (носителя той или иной культуры) и личности, включённой в постоянные взаимодействия разных видов.

Особо подчеркну, что при различных трактовках концепта этот термин включается в разные категориальные поля с вытекающими отсюда следствиями и ожиданиями, т.е. имеет место своеобразная омонимия терминов.

Особую сложность и путаницу вызывают термины, совпадающие с общеупотребительными словами, примерами этого могут служить термин «лексикон» и словосочетания типа: «лексикон человека», «ментальный лексикон», поскольку под лексиконом иногда понимаются разные сущности. Этот пример заслуживает более подробного рассмотрения.

Этимология обсуждаемого слова (со ссылкой на словарь М. Фасмера) следующим образом объяснена в «словаре Wiktionary»:

«Происходит от др. – греч. λεξικόν (βιβλίον), букв. «словарная (книга)»; из λέξις «слово». Русск. лексикон – впервые у П. Беринды (1627 г.); заимств. через нем. Lexikon (XVII в.) или, подобно последнему, – книжным путем из лат. lexicon».

Динамику значения слова «лексикон» в русском языке можно проследить, начиная со словаря В. И. Даля. Так, во втором томе этого словаря содержится следующее толкование:

¹⁷ Степанов 1997.

«Лексиконъ – м. словарь, речникъ, словотолкъ, словотолковникъ»¹⁸. В словаре С. И. Ожегова разграничены два значения рассматриваемого слова: «Лексикон, – а, м. 1. То же что словарь (в 1 знач.; устар.) Французский л. 2. Запас слов, лексика (книжн.). У него бедный запас л.»¹⁹. Уточню, что на с. 720 того же словаря под 1-м значением слова «словарь» понимается «1. Сборник слов в алфавитном порядке, с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык». В «Толковом словаре иноязычных слов»²⁰

¹⁸ Даль 1956: 246.

¹⁹ Ожегов 1970: 312.

²⁰ Крысин 1998: 389.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.